

УДК 81'25

**Н. А. Дудик (Кочелаева)**

канд. филол. наук, доц. каф. лингвистической прагматики и межкультурной коммуникации МГЛУ; e-mail: nadezhda\_dudik@mail.ru

## **ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПЕРЕВОДЕ**

В статье рассматриваются стратегии речевого поведения индивида в процессе понимания текста и в процессе осуществления межкультурной коммуникации. С целью обеспечения адекватности и прагматической эквивалентности перевода переводчик использует разные стратегии в зависимости от того, какой вид переводческой деятельности он осуществляет. Выделяются универсальные стратегии, описываются примеры, иллюстрирующие важность учета текстовых факторов при переводе.

**Ключевые слова:** стратегия; универсальная стратегия; адекватность перевода; прагматическая эквивалентность перевода; синхронный перевод; письменный перевод; текст; абзац; сверхфразовое единство; предложение; переводческие приемы.

Вопрос о стратегиях речевого поведения индивида является одним из наиболее актуальных в современной лингвистике. Интерес к этой проблематике обусловлен стремлением не только зафиксировать языковые явления, но и раскрыть когнитивные механизмы, лежащие в их основе, что особенно характерно для когнитивно-дискурсивной научной парадигмы, сложившейся в лингвистике на рубеже XX и XXI веков [6].

Само представление о стратегиях как о своеобразных программах, по которым действует человек, осуществляя тот или иной вид речевой деятельности, сложилось во многом под влиянием работ Т. А. ван Дейка и В. Кинча, которые рассматривали стратегии понимания связного текста и, осуществляя когнитивное моделирование понимания и порождения текста, представили процессно-ориентированную, оперативную (on-line) модель, основанную на *стратегическом* подходе. Говоря о когнитивных основаниях модели, авторы отмечают, что восприятие и понимание каких-либо событий происходит не в *вакууме*, а в рамках более сложных ситуаций, а также социальных и широких социокультурных контекстов [2].

Т. А. ван Дейк и В. Кинч анализируют «понимание текста, начиная от слов и кончая самыми общими темами, или макроструктурами» [2, с. 163]. Их модель ориентирована не на уровне языковой

системы (морфонология, синтаксис, семантика и прагматика), а на *комплексность описания* (понимание слов, составных частей предложения, сложных предложений, последовательности предложений, самых высших структур текста), с учетом обратной связи между менее или более сложными единицами. Таким образом, возникает представление о стратегической модели.

Авторы используют понятие «стратегия понимания», считая, что стратегические процессы во многом противоположны алгоритмическим; стратегии представляют собой знание о процессах понимания.

Т. А. ван Дейк и В. Кинч выделяют стратегию высшего уровня (которую расчлениют на серию более конкретных стратегий), предназначенную для построения текстовой базы, являющейся семантическим представлением воспринимаемого текста в эпизодической памяти. Текстовые базы, в свою очередь, определяются в терминах *пропозиций* и связей между ними. «Основным свойством модели является предположение, что понимание текста подразумевает не только представление текстовой базы в эпизодической памяти, но также активацию, обновление и другие способы функционирования так называемой *ситуационной модели* в эпизодической памяти: это когнитивное представление событий, лиц и вообще ситуаций, о которых говорится в тексте» [2, с. 164–165].

Другим важным компонентом модели является ее управляющая система, которая «гарантирует приведение в действие всех стратегий, направленных на производство информации, то есть создание семантических (а также прагматических и прочих интерактивных и контекстуальных) представлений, согласованных с основными целями понимания» [2, с. 165].

Решающим свойством предлагаемой модели понимания является использование больших объемов знания – эпизодического и более общего, абстрактного, представленного в семантической памяти. Авторы уделяют особое внимание *стратегиям использования* знания и полагают, что его стратегическое использование зависит от целей пользователя языка, объема знания, имеющегося в тексте и контексте, уровня переработки или степени связности, необходимых для понимания и являющихся критериями стратегического использования знания, контролируемого управляющей системой.

Среди других компонентов модели выделяются:

**пропозиционные стратегии**, когда на основе значений слов, активированных в семантической памяти, и синтаксических структур предложений происходит стратегическое конструирование пропозиций; лексические значения соответствуют атомарным пропозициям, которые с помощью структурных отношений или функций организованы в *пропозиционные схемы*; сложные предложения анализируются как сложные пропозиционные схемы;

**стратегии локальной когерентности (связности)** – установление значимых связей между предложениями текста (конструирование локальной связности); сложные пропозиции обозначают *факты* некоторого возможного мира; пользователь языка должен по возможности эффективно проводить поиск потенциальных связей между фактами, обозначенными пропозициями.

С помощью **макростратегий** образуются макропропозиции, имеющие ту же структуру, что и предшествующие пропозиции; в свою очередь стратегическим способом макропропозиции могут связываться в последовательности; используя релевантные стратегии вывода повторно, можно получить несколько уровней макропропозиций, в совокупности образующих макроструктуру текста.

**Схематические стратегии** представляют собой проявление традиционной, культурно-обусловленной схематической структуры как одной из высших форм, организующей макропропозиции (глобальное содержание текста) в разных типах дискурса; эти схемы по сути являются суперструктурами текста.

**Продукционные стратегии** определяют построение говорящим такой макроструктуры, как семантический план текста, состоящий из элементов общего знания и, в особенности, из элементов ситуационной модели.

Выделяется также и целый ряд частных стратегий: **стилистические стратегии** дают возможность пользователям языка производить выбор между альтернативными способами выражения примерно одного и того же значения; указывают на связь между текстом и личностным или социальным контекстом; риторические стратегии (например фигуры речи) используются для повышения эффективности дискурса и коммуникации; стратегическая переработка **невербальной информации** (жестов, мимики, поз и т. д.) способствует стратегиям понимания и производства текста; **стратегии разговора**

(конверсационные стратегии) – это стратегии поочередного участия в разговоре, основанные на невербальной информации в сочетании с более общими социальными характеристиками участников и спецификой контекста [2].

Таким образом, Т. А. ван Дейк и В. Кинч понимают *стратегию* как гипотезу относительно дальнейшего смыслового развертывания текста, однако такая трактовка, естественно, разработана применительно к **пониманию** текста и вряд ли подойдет (без соответствующих изменений) для рассмотрения других форм речевого поведения.

Понятие «стратегии» особенно удачно «ложится» на анализ различных видов переводческой деятельности, поскольку выбор переводческого решения – это результат осознанного анализа разных подходов к переводу и разных вариантов перевода. Набор выделяемых стратегий в значительной степени зависит от вида перевода. Так, В. М. Илюхин, анализируя процесс синхронного перевода, выделяет две группы стратегий – **стратегии, связанные с фактором времени, и стратегии, обусловленные статистическими факторами**. При этом под *стратегией в синхронном переводе* понимается метод выполнения переводческой задачи, заключающийся в адекватной передаче с ИЯ на ПЯ коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологических и личностных особенностей оратора, базового уровня, языковой надкатегории и подкатегории [4].

В первую группу входят:

**стратегия проб и ошибок**, которая «служит для достижения эквивалентности и / или адекватности в синхронном переводе; она обусловлена фактором времени, так как синхронному переводчику при ее применении необходимо «дождаться» более широкого контекста» [4]; эта стратегия включает в себя две подстратегии – подстратегию вероятной ошибки и подстратегию выбора правильного варианта;

**стратегия ожидания**, заключающаяся в том, что «синхронный переводчик делает небольшую паузу, ожидая дополнительных компонентов текста, которые могли бы полностью прояснить смысл высказывания, в том случае, когда из имеющегося контекста он не совсем ясен» [4, с. 7];

**стратегия столлинга**, которая заключается в попытке выиграть время путем замедления подачи переводного материала или

повторением тематической информации с целью заполнения слишком затянувшейся паузы;

**стратегия сохранения линейности**, дающая в СП возможность упростить синтаксическую структуру на ПЯ, что ведет к более успешному пониманию переводимого сегмента, так как короткие отрезки перевода, не перегруженные бесконечными придаточными предложениями, лучше воспринимаются на слух; применение стратегии также служит разгрузке оперативной памяти синхронного переводчика;

**стратегия вероятностного прогнозирования**, заключающаяся в раннем определении переводчиком лингвистических составляющих текста, которые появятся на выходе на ИЯ; вероятностное прогнозирование разделяется на лингвистическое или синтаксическое, экстралингвистическое [4].

Во вторую группу входят:

**стратегия знакового перевода**, используемая при непонимании определенного сегмента текста; знаковый способ предполагает переход от знака (слова или словосочетания) одного языка к знаку другого языка;

**стратегия компрессии**, основой которой служат два фактора – предметная ситуация и разная избирательность языков; предметная ситуация непосредственно связана с избирательностью языков, любое высказывание содержит определенное количество признаков описываемой ситуации, при этом в разных языках степень детализации может быть разной; компрессия может происходить как на уровне предметной ситуации, так и на уровне языковой избирательности и подразделяется на слоговую, синтаксическую, лексическую и семантическую; основой которой может быть когнитивная цепочка Ледерер;

**стратегия декомпрессии** (компенсационная), основанная на модели компонентного анализа, который служит для выделения составных частей значения слова, или семантических компонентов, и выявления принципов их воссоединения и структурной организации [4].

В. М. Илюхин приходит к выводу, что выбор стратегии зависит от конкретных лингвистических и экстралингвистических факторов, при этом в ряде случаев экстралингвистические факторы могут оказывать более весомое влияние на выбор стратегии и, следовательно,

на окончательный вариант перевода, чем факторы чисто лингвистического характера [4].

Свой набор стратегий, уже применительно к письменному переводу текстов разной стилевой отнесенности с английского языка на русский язык, предлагает Н. А. Дьяконова [3]:

- 1) стратегия определения жанрово-стилевой принадлежности текста;
- 2) стратегия определения доминантной плотности текстов;
- 3) стратегия вероятностного прогнозирования;
- 4) стратегия проб и ошибок;
- 5) стратегия компрессии / декомпрессии;
- 6) стратегия пословного перевода;
- 7) стратегия компенсирующих модификаций;
- 8) стратегия воспроизведения модальности ИТ.

Возникает вопрос о том, существует ли какой-либо устойчивый набор переводческих стратегий, или же можно говорить о том, что стратегии вырабатываются переводчиком для каждого текста (группы текстов), для каждого вида перевода (письменного, устного, устного последовательного, синхронного, технического, литературного, поэтического; перевода на родной язык, перевода на иностранный язык и т. д.).

При анализе последовательности действий переводчика, осуществляющего письменный перевод с русского языка на английский язык, представляется возможным сделать вывод о том, что набор стратегий будет существенным образом отличаться от стратегий СП [5].

Нормативно-стилевые различия в англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе обуславливают первую стратегию при переводе с русского языка на английский – *стратегию общей оценки стилевой близости текста оригинала и той группы текстов на языке перевода, к которой текст перевода должен принадлежать*.

При реализации данной стратегии переводчик оценивает степень эмоциональности и экспрессивности переводимого текста (на русском языке) и осуществляет перевод, посредством выбора соответствующих эквивалентов, в соответствии с нормами английского дискурса (нами рассматривался англоязычный политический дискурс).

Аналогичным образом, в рамках данной стратегии, предпринимается выделение тех частей переводимого текста, где его автор

акцентирует свое личное мнение, создает «эффект присутствия» и прибегает к излишней разговорности. Дальнейший поиск переводческих решений проходит по линии приближения к нормам английского политического дискурса. Субъективную, категоричную личностную оценку переводчик обращает в более характерную для английского политического текста неявную оценочность с меньшей степенью категоричности. Учет этих особенностей при переводе в большей степени способствует обеспечению прагматической эквивалентности ТО и ТП, чем прямая передача всех особенностей ТО, нарушающих нормы англоязычного дискурса.

Вторая из выделенных в ходе моделирования процесса перевода с русского языка на английский язык переводческих стратегий непосредственно касается структурных преобразований на ПЯ. Это – **стратегия выработки структурной организации текста перевода** (членение текста на абзацы с учетом границ сверхфразовых единств как отрезков текста (устного или письменного), характеризующихся относительной смысловой и функциональной завершенностью, тесными логическими, грамматическими и лексическими связями, объединяющими его составляющие, и ПРК как единицы текста, представляющей собой континуум, состоящий из некоторого количества последовательных сверхфразовых единств).

Выделение этой стратегии основывается на исследованиях, показывающих, что строение абзаца в разных языках различно, а нормы организации абзаца в родном языке оказывают воздействие на построение абзаца при создании текста на иностранном языке [11, 9]. На основании анализа языкового материала и проведения экспериментального исследования было выделено пять типов построения абзацев для пяти (групп) языков, в том числе для русского и английского. Согласно этим данным, в английском языке схема построения абзаца напоминает прямую линию, а в русском – неровную зигзагообразную, показывая тем самым, что при составлении абзаца на русском языке автор позволяет себе различные отступления от основной мысли. Было также установлено, что носители английского языка предпочитают либо дедуктивную модель организации абзаца, либо, наоборот, индуктивную, когда вывод делается в конце; для пишущих на английском языке важно, чтобы текст легко читался, чтобы была жесткая связь между предложениями, чтобы соблюдалась логика изложения (для чего используется достаточно много союзов) и делались ссылки на источники [11; 10].

Русский же язык допускает более свободные логические схемы организации абзаца. Таким образом, напрашивается вывод, что именно различие в логике развития и аргументации мысли является причиной столь разного строения абзацев в английском и русском языках. Поскольку строение абзаца в русском и английском политическом дискурсе различается, при переводе с русского языка на английский переводчику необходимо принимать решение относительно того, нужно ли сохранить членение на абзацы текста на ИЯ или нужно изменить их границы в тексте на ПЯ, чтобы избежать прямой имитации структур абзаца русского языка.

По результатам нашего исследования изменение границ абзацев в тексте на ПЯ требуется более чем в 70 % случаев. Наиболее часто встречается преобразование, которое заключается в разделении одного абзаца на два более мелких (условно говоря, когда «неровная ломаная линия» русского абзаца превращается в несколько «прямых линий» построения аргументации абзаца английского, т. е. несколько ассоциативно связанных мыслей, включенных в один абзац на ИЯ, выделяются в самостоятельные абзацы на ПЯ):

<p>Обрыв был обнаружен быстро, однако на Охотское море надвигался глубокий циклон, в районе работ судна прогнозировался ветер силой до 30 метров в секунду. Решил до окончания штормовой погоды направить судно в магаданский порт. И вдруг ночью от командира кабельного судна приходит донесение, что во время поиска обрыва на кабеле обнаружен огромный контейнер иностранного производства, поднять который из-за плохой погоды через носовое устройство прокладки кабеля нельзя. Кроме того, он настолько тяжел, что поднять его можно носовым краном, на что потребуется не менее двух часов.</p>	<p>It was no problem to detect the break. However a profound typhoon was advancing to the Sea of Okhotsk, and a wind with a force of 30 m/sec. was forecast for the area of the vessel's operation. In the circumstances I decided to direct the ship to the Magadan port to lie there until the stormy weather was over.</p> <p>All of a sudden a message arrived from the ship's commander in the night, to say that a huge foreign-made container had been discovered while the crew had been looking for the break. The container could not have been lifted through the bow cable-laying gear because of the poor weather, and also because it was so heavy that the bow crane alone could serve the purpose, and even so it would take them at least two hours to do the job.</p>
--	---

*Известия.*



Объединение двух абзацев в один – обратный процесс, который встречается гораздо реже, в данном случае в статье на русском языке второй абзац содержит прямую речь, которая в статье на английском включается в первый абзац как указание на источник сообщения:

<p>Информацию англичан подтвердил в разговоре со мной и генеральный конструктор ТАНТК Геннадий Панатов. – Да, такие переговоры прошли. Можно сказать, что контракт практически подписан, осталось согласовать лишь некоторые детали. <i>Известия.</i></p>	<p>When I contacted the company’s designer general Mr. Panatov, he, too, corroborated the information released by the British. “Yes, indeed, negotiations to this effect did take place. One can say that for all intents and purposes an appropriate contract has been signed, with some details pending.”</p>
---	---

В большинстве случаев изменение границ абзацев при переводе с русского языка на английский язык имеет место в отрезке текста большем, чем два абзаца. При этом чтобы сохранить логику повествования в тексте на ПЯ, либо сочетаются процессы разделения и объединения абзацев, либо используется только процесс разделения.

Процесс изменения границ абзацев при переводе с русского языка на английский обычно охватывает весь текст и не ограничивается преобразованием структуры двух-трех абзацев. Это показывает, что разбиение текста на абзацы при переводе с русского языка на английский – это структурное преобразование на уровне всего текста, а не на уровне отдельных структурных составляющих текста.

Третья из выделенных нами в ходе исследования стратегий перевода с русского языка на английский – ***стратегия структурного преобразования конкретных предложений, входящих в исходный текст, в предложения на языке перевода.*** Именно в рамках этой стратегии осуществляются разнообразные структурные преобразования на уровне предложения высказывания, описанные в научной литературе [1; 5; 7].

В процессе перевода на английский язык преобладают следующие структурные преобразования в рамках отдельных предложений:

- логическая раскладка смысловых групп, в том числе передача условных отношений и отношений противительности;
- структурные преобразования, обусловленные требованием учета актуального членения предложения;
- объединение и членение предложений при переводе;

- свертывание и развертывание предикаций;
- преобразования, мотивированные логикой изложения информации в тексте;
- добавления или опущения, обеспечивающие соответствие принятым грамматическим нормам построения высказывания в английском языке.

При переводе осуществляется не только переход от одного языка к другому, но и от одной культуры к другой. Такой подход существенно изменяет представление о последовательности стратегий перевода с русского языка на английский. В отличие от имеющихся концепций перевода с русского языка на английский язык, основанных на модели последовательного перехода от преобразований на уровне отдельного предложения к преобразованиям на уровне групп предложений и далее абзацев (*bottom-up approach*) [1], мы считаем, что определяющими в процессе перевода с русского языка на английский являются факторы текстового уровня и общая стратегия принятия переводческих решений строится от верхних уровней организации текста к нижним, что подтверждает старое правило перевода, согласно которому надо прочитать текст, понять его, а затем отложить в сторону и изложить его смысл на другом языке, оказывается далеко не таким наивным и отражает интуитивное стремление переводчика избавиться от интерферентного воздействия оригинала [8].

Вполне естественно, что письменный и синхронный перевод с английского языка на русский и с русского языка на английский требует разных стратегий, т. е. разного подхода к последовательности действий переводчика и разных оснований для принятия переводческих решений. Однако при всем несхождении разных видов переводческой деятельности можно выделить две стратегии, которые будут реализовываться в любом виде перевода и которые могут считаться универсальными. Это ***стратегия определения стилевой и жанровой принадлежности текста на ИЯ и стратегия соотнесения норм стилевой и жанровой отнесенности текста на ИЯ и текста на ПЯ.***

В качестве своеобразного «ограничителя» в приближении текста на ПЯ к тексту на ИЯ выступают жанрово-стилистические нормы и требования, существующие в принимающей культуре. Например, «цветистые» образцы ораторского искусства испаноговорящих

политиков при переводе на английский и русский языки делают менее образными и напыщенными. Таким образом, можно выделить следующие подстратегии:

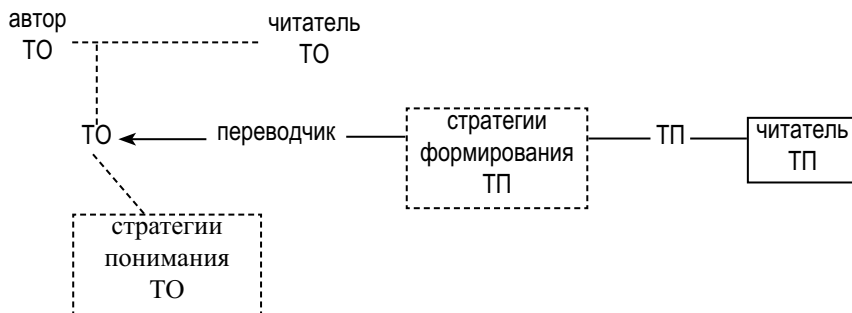
- выбор варианта более нейтрального по отношению к исходному тексту;
- выбор точно соответствующего варианта (крайне редко);
- сохранение образности и стилистической маркированности исходного текста средствами, характерными для ПЯ.

Эта подстратегия, на наш взгляд, является наиболее приемлемой при переводе с русского языка на английский язык.

Подводя итоги, следует отметить, что стратегии перевода носят более общий характер по отношению к стратегиям понимания текста (см. схему 1).

Схема 1

### Стратегии перевода как часть процесса межкультурной коммуникации



В процессе осуществления переводческой деятельности переводчик сначала должен понять содержание ТО в рамках модели Т. А. ван Дейка и В. Кинча (bottom-up approach) [2]. Далее при переводе на родной язык он следует той же стратегической схеме – от отдельных элементов текста к составлению целого текста. Однако при переводе на английский язык переводчик реализует другую стратегическую схему – «сверху-вниз» (top-bottom approach). Учитывая более жесткие нормативные ограничения, накладываемые на политический дискурс в английском языке по сравнению с русским языком, переводчик, осуществляя перевод с русского языка на английский язык, должен действовать подобно автору, определяя стилевую

и жанровую специфику ТП, а также его структурную организацию (top-bottom approach).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бреус Е. В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учебное пособие. – М.: УРАО, 1998. – 208 с.
2. *Ван Дейк Т. А. и Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка; пер. с англ. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153–211.
3. *Дьяконова Н. А.* Функциональные доминанты текста как фактор выбора стратегии перевода: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 185 с.
4. *Илюхин В. М.* Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 24 с.
5. *Кочелаева (Дудик) Н. А.* Проблемы структурирования текста на переводящем языке при переводе с русского языка на английский: дис... канд. филол. наук. – М., 2002. – 340 с.
6. С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. – Москва–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – 492 с.
7. *Черняховская Л. А.* Переводисмысловая структура. – М.: Международные отношения, 1976. – 264 с.
8. *Швейцер А. Д.* Буквальный перевод и интерференция // Перевод и коммуникация / отв. ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, А. П. Василевич. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 22–34.
9. *Connor U.* Contrastive Rhetoric. Cross-cultural aspects of second-language writing. – Cambridge: Cambridge University Press., 1996. – 201 p.
10. *Hinds J.* Inductive, Deductive, Quasi-Inductive: Expository Writing in Japanese, Korean, Chinese, and Thai // Coherence in Writing: Research and Pedagogical Perspectives / Ed. by U. Connor and A. M. Johns. – Alexandria, VA: TESOL, 1990. – P. 87–110.
11. *Kaplan R. B.* Contrastive Rhetoric and Second Language Learning: Notes Toward a Theory of Contrastive Rhetoric // Writing Across Languages and Cultures, Issues in Contrastive Rhetoric / Ed. by A. C. Purves. – Newbury Park, CA: Sage, 1988. – P. 275–304.